/*/

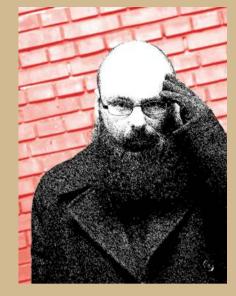
Ты существуешь за пределами меня, как извлечённый из ребра квадратный корень — поставленный в условиях иных, чем равенство, между двумя телами, когда одной

слезой

из глаз слепых — омыта не ладонь, и не щека, но что-то большее, чем совокупность тела с безвременно ушедшими годами. Как отдалённый голос ямщика, колеблется

над

белоснежным логом — и стелется на сумеречный наст допетыми, протяжными словами — так ты себя выводишь из глубин, поводырем, на поводке, безротым, и звук

Виталий ШАТОВКИН

твой

каждый — накрепко обмотан длиною первобытных

пуповин.

/*/

Осень казнит зрачок, но жалует голос, ветер берёт прорехи, как бязь иглу. Не износившись — рвётся кленовый волос, словно ладонь в прожилках —

прильнув к стеклу.

Так смотрят перед тем, как уйти надолго — если не сказать больше — навсегда, и горизонт вкрапляет в себя осколки — вырвавшиеся

из кривизны гнезда.

/*/

Тугоплавкое лето звенит бубенцами, их медная полость — как шатёр, укрывающий стыд языка. Сохраняя нетронутым голос — замираешь

окисляясь нутром —

сопряжением трубы водосточной. Переходит от крика на стон — беспризорная птица. И, ночью — облака — высыхающий гипс над надтреснутым

тельцем равнины -

постоянством утраченных лиц, мы от прошлого неотделимы.

/БРОНЗОВАЯ ЦАПЛЯ/

У бронзовой цапли — бронзовый век — на лапы надеты латы и непонятно кто их надел — цапля

не виновата. Воздух глотает тугая гортань, вместо глазниц — по яме. Часто ей снится родной

Сиань в глиняной литограмме. Крылья— впрессованы в твёрдый остов, в перьях стальных—

усталость, цапле не нужно каменных снов — ей бы любовную

шалость.

/*/

↑ етних дней поседевшая паутинка липнет к ладони — безрыбье влечёт тоску. Кружевной абажур на застывшем, немом плафоне — миниатюрный макет

планетария. Пришит лоскут — от чешуйчатой спинки карпа к ночной груди — заменяя созвездие Рыб, на игральных картах. Изгиб руки — дополняет

присутствие в нём твоего тепла— если нить остаётся /между/, то сама игла— как весло Харона— превозносит дно. Выходя из воды сухим— это всё равно.

что водою на деле стать: остывая речь — превосходит собою сталь нежеланием

течь.

/ШАПИТО ЛУИ БРАЙЛЯ/

Грушевидная старость разношенных девичьих слёз: кто тебя положил в портсигар— о, цветная— Мадонна. Ты вдыхаешь не воздух, а стук паровозных колёс—

вычисление разницы скорости и тишины. За окном: мельтешат то снежинки, то камушки липовых звёзд, в цирковых балахонах— так становятся ночи длиннее.

И, привкус сурьмы — вяжет алое нёбо канатиком из палисандра — каждый узел, петелькою — это уздечка судьбы — вместо слоников ты собираешь троянских

коней в накрахмаленных бантах. Геометрия чувств, патронташи надорванных точек на контурной карте, а рядом — клубы — ядовитого дыма и спицы бенгальских

огней. Эта жизнь — превосходство казенных зеркал не иначе: балаганчик, трактир, переигранный театр картонных теней, для которого каждый второй посетитель —

незрячий.

/CTPEAOK/

Здесь всё поставлено на карту, не выиграть, но скостить усталость: ты ляжешь, а вокруг белым-бело — весь снег похож на волосок — на перепрятанную шалость — ягнёнок завернувшийся

в руно. Погонишься

за ним сквозь сон, а он тебя шутя стреножит, и свистнет в свои тридевять зубов, копытцем цокнет удалым — упором звонких цветоножек, лесных пионов яблоком тугим — пей воздух синий —

пей морскую гладь —

дыхнёшь на узелок солдатской меди, и будешь спозаранку голодать, кружась по взморью на

велосипеде.

/16 ОКТЯБРЯ/

Ты выставляешь шелковое бедро, и каждый второй ускоряет привычный шаг — прячутся в арках, трамваях, иллюзия прежнего лета. Белые пятна, в синих

карандашах —

низкая облачность. Мрамором, мглистого цвета— выстланы сумерки, вязнут в листве фонари— серными шапками отсыревающих спичек. Тёмные стёкла

закрывшихся

кулинарий — пахнут казённым теплом. Даже голос вторичен — в этой густой тишине. Крикнешь, имя своё — ветер его расчленит, как жестянку — на звуки — и

спотыкается,

каждый оконный проём — об полнолуние — делая взгляд

близоруким.